

Цикл
Александра Забусова
БРЕДУЩИЙ В ЛАБИРИНТЕ

Лабиринт. Войти в ту же реку
Лабиринт. Феникс

Александр Забусов

ЛАБИРИНТ.
ФЕНИКС

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
З-12

Серия «Попаданец»
Выпуск 88

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Забусов, Александр Владимирович

З-12 Бредущий в лабиринте: Лабиринт. Феникс: роман / Александр Забусов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 480 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-122147-8

Михаил Каретников для своих стал изгоем и по решению Совета патриархов наказан забвением в рядах Бусовых бояр. Через «кротовую нору» его выбрасывает в прошлое, и он попадает в день 22 июня 1941 года. Западная граница Украины. Машина вермахта набирает обороты, а по лесам и дорогам бесчинствуют бандеровцы. Михаил оказывается среди отступающих войск, выходит из окружения. И вот он уже под Москвой...

В книге использованы архивные материалы и воспоминания ветеранов о Великой Отечественной войне в период 1941–1942 годов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122147-8

© Александр Забусов, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

Все меняется, менялось и будет меняться.

Дана не была плохой или хорошей, она всего лишь молодая женщина, потерявшая своего мужчину. Так иногда бывает, что две семьи сговаривают молодых, и они, выполняя волю старших, обязаны заключить брачные узы. Любишь не любишь — это к делу не относится, главное два рода общей кровью повязать и воспроизвести на свет здоровое потомство. Им повезло, сразу друг другу понравились. Наверное, ошибка Варны сыграла в их судьбе немаловажную роль, в своих родах оба считались вырожденками. Ратмир не склонен был стать волхвом, а тянулся к стезе витязя, она не представляла себя ворожей и после склок в семье, в конце концов, отдана была в учебу к амазонкам. Когда встретились оба, за плечами Ратмира были долгие годы изнурительной учебы, служба в армии, возвращение в родные края и княжеская служба в группе берсерков. Год назад вернулся из Афганистана, заматерел окончательно, выделился, встал в ряды карабов. Дана среди девиц-воительниц еще не успела заслужить уважение, слишком юна и строптива была. Иной раз взбрыкнет, непокорность проявит, за что мать-воительница потом уроком наделит. А урок тот хоть и по силам Дане, да только все соки на измор выжмет. Тем не менее по осени свадьбу сыграть должны были, и вящий и мать-воительница разрешение дали. Потому как славянскому роду не должно быть переводу.

Случившийся побег пленника внес в их жизнь свои коррективы. Вящий вызвал шестерых карабов и доверил свободную охоту. Условие только одно. Беглеца обязательно живым обратно в детинец привести. Задачу поняли и приняли. Все шестеро разошлись куда посчитали нужным. Дался же князю чужак! Дана и в глаза его не видела, а уже корила за глаза и ненавидела. Перед тем как уйти в поиск, лишь парой слов переброситься успели...

Ратмира нашли и принесли в огнище... мертвым. Криком кричала, нарушая все мыслимые заветы предков. И не потому, что ее витязь погиб. Знать, на роду так написано было. Потому как мстить оказалось некому. Беглец, убийца ее мужчины, собрав скорбную жатву, утонул в болоте. Как боги могли допустить такое? В себе замкнулась, нелюдимой стала. Лицо будто маска из воска, красивая, но непроницаемая, невосприимчивая к доброму слову. Да и нужны ли те слова, коли жизнь не мила? Коли мужчины для нее не существуют? Сама не девка уже, успели с Ратмирушкой помиловаться, вкусить запретного плода. Кто ж знал?

Времени совсем немного минуло, когда князь в столицу вызвал добрую половину карабов из своей дружины. Туда же и ведьманы с парой волхвов направились. В детинце и огнище толком никто не знал, зачем силовая поддержка вящему потребна. И мимо Даны сие действие пройти могло незаметно, амазонок к выезду не привлекли. Случайно услышала разговор родного дяди с отцом. Нет, не стремилась подслушать, в соседнем помещении с кабинетом бати в этот же час обреталась. Чужаков в тереме нет, да и домочадцы по дневной поре своими делами заняты где-то. Посему дядя Глеб не слишком голосом тайлся. До сознания дошло, что старшие обсуждают что-то связанное с гибелью Ратмира. Затаив дыхание, превратилась в неподвижную статую у приоткрытой двери кабинета отца, прислушалась к разговору.

— ...Присмотри за семейством, брат.

— Надолго едете?

— Кто знает. Не от нас зависит. Если честно, я бы того перевертыша собственной рукой на два метра под землю загнал. Закопать живьем — и вся недолга! Данку жалко. Какую пару разбил, гад ползучий!

— Глеб, тут ведь и мы сами виновны.

— Чем?

— Лишили человека свободы и хотели, чтоб он в нас врагов не видел. Так не бывает.

— Постарел ты, брат. Раньше бы так не рассуждал.

— Да нет, просто каждый ситуацию со своей горки видит. Мне было бы странно, воспринимай ты все случившееся по-иному. Я — волхв. Ты — ведьман. У нас разные понятия о происходящих под небом событиях. Да и не он это. Ведь какая проверка была? Утоп перевертыш, обознались сидни.

— Князь велел прибыть, значит, доподлинно выяснили, что жив. Все, недосуг мне языком трепать боле. Через два часа отъезд. Так что? Присмотришь?

— Вот именно, младший! Языком мелешь. Могло по-другому быть? Сам там осторожней будь.

— Буду.

Можно сказать в сознание пришла, дело появилось. Неужели боги услышали ее призыв и дали возможность отомстить? Размышлять времени не было, по-тихому собрала пожитки и личное оружие. Мысль о том, что Млава, старшая над амазонками, будет метать громы и молнии по причине ее исчезновения, мелькнула на периферии сознания. Пусть!

— Разве амазонки участвуют в деле? — чуть кривя рот в улыбке, спросил кудеяр Всеволод, старший над карабами.

Ее выручила нехватка времени, колонна должна была уже выдвинуться на маршрут. Уверенно ответила:

— Вящий затребовал присутствие только одной из нашего отряда.

— Тогда занимай место в последнем УАЗе.

Теперь главное не попасть на глаза дядьке Глебу...

В охоте на перевертыша участвовала вместе со всеми. Москва, большая деревня... Но большая! Когда поймали беглеца, все прошло мимо нее. И потом близко подобраться к источнику всех бед в ее жизни так и не смогла. Охраняли обидчика, словно князя какого. Даже глазком увидеть не позволили. Только знала одно: убить его должна именно она, и никто другой. Крутилась поблизости, так как все же из рода волхвов была, смогла отвести глаза охране. Глаза-то отвела... да только не тем. Свои повелись, а вот бояре из личной охраны племенного белоярового... гм, князя, наверное, на ее ведовство не купились. Ясно дали понять, что женщине на разборе вины изгоя делать нечего. Хоть и признали за свою, но постой, мол, в сторонке, когда судьбу боярина патриархи решают.

Отошла. Стала ждать. Действие все происходило в многоэтажном доме. В нем не живут, а куча учреждений обосновалась. Люди просто работают в гражданских госструктурах, относящихся к разным ведомствам, а весь шестой этаж каким-то непонятным образом под прикрытием центра связи под чужаками находится. Вон их сколько собралось! Тоже ведь божичи и тоже бояре ихнего же корня и их веры.

Ну почему она не ворожея? Ведь как бы дело упростилось! Знала за собой одну особенность. Если честно, не самое лучшее из освоенных от отца и матери умений. Ей, если нужно кому глаза отвести, нельзя объекту даже в лицо смотреть. Почувствует ее присутствие. Проверено! Куда хочешь смотри, хоть в пол, хоть в потолок, в конце концов в грудь подопечному, только не в глаза, только не в лицо.

Дождалась. Когда повели эту сволочь на расправу, увязалась за конвоем. Судя по спине и манере двигаться, еще не старый, да и на затылке не лысина с сединой, а густой ежик светлых волос. Только бы не глянуть на конвоиров, себя не выдать, а там...

Ну и куда его? Чего уселись? Чего ждут?

Стояла рядом, слившись со стеной в коридоре, слушала разговор приговоренного с... палачом, как поняла, удивляясь пустопорожним словам. Ничего, потерпит. Возьмет свое. Главное момент не упустить. Из этого громадного домины он живым точно не выйдет. Любопытство разбирало, так хотелось взглянуть на обладателя молодого хриплого голоса. Но, кажется, то же любопытство сгубило кошку, значит, пока нельзя светиться. Парни крепкие, в один миг скрутят, даже дернуться не дадут. Нервничают, может быть, ощущают ее присутствие. Успокоиться необходимо. Дышать ровно, без нервов. Вот. Уже лучше. Охранники тоже перестали в пустоту пялиться, это она по их пульсу поняла, тоже папка научил, но стоят молча и отвлекаться не собираются. Только на лица не смотреть...

Когда старший «расстрельной команды» произнес слово «пора!», подо двинулась ближе, выпростала из складок одежды боевой нож.

«Вот сейчас!»

Четверка конвоиров будто опасность почувствовала, взяла подопечного в жесткое каре, не заметив, но в то же время отеснив ее. Стоят так плотно, что руку не просунуть, а значит, силы удара не будет. Они, кажется, жертву сами побаиваются. Повезло, что вообще получилось в лифт втиснуться, вернее ей первой пришлось заскочить в него. Странные манипуляции с лифтовой панелью и появление незнакомки в лифтовом пространстве, считай, что не впечатлили, хотя как раз с ней-то не удержалась, заглянула в глаза «временной попутчице». Необычно. Облик человека, а по сути неодушевленный предмет. Момент исчезновения «женщины» прощелкала вместе

с остальными, может потому, что в мозг единственная мысль стучалась: «Сейчас! Сейчас! Сейчас!»

С едва слышным стуком платформы под ногами лифт остановился. Дверь отошла в сторону. Все как по команде, не исключая и Дану, выглянули наружу. Ничего особенного, пустой коридор, панели стен которого окрашены в желтый цвет. Неподалеку лавочка, обитая синим дерматином. Из-под потолка свет струится от плафонов. Дана, воспрянув духом, напряглась для броска, готовая на то, чтоб раздвинуть охрану и ударить перевертыша в спину, а там будь что будет. Пусть руки крутят, пинают, пусть даже убьют. Ей все равно...

«Сейчас! Сейчас!»

Услышала голос старшего команды, обращенный к ее личному врагу, это было больше похоже на прощальное напутствие:

— Твоя остановка. Выходи.

Перевертыш, не поворачивая головы, переспросил:

— Уверен?

— Выходи.

Момент истины! Пора... Человек шагнул и визуально словно стаял при всех. За секунды толчком «раздвинув» чужаков, нарушая всю конспирацию, рванулась она следом за ним, еще успела услышать окрик: «Куда?»

От увиденного не сразу сориентировалась в ситуации. Только что ведь находилась в кабине лифта многоэтажного строения, только что видела из него уже привычные стены коридора и спину своего врага, а тут на тебе, словно ворожея пошептала... Вместо вечерних сумерек — ясный день, вместо коридора открытый природный ландшафт, и самое главное, парня, которому мечтала отомстить за смерть любимого человека, в обозреваемом пространстве не наблюдалось. Что за ерунда? Иллюзия? Обман зрения? Глаза закрыла в надежде, что все сейчас встанет по своим местам, открыла их снова. Видение не исчезло. Где она находится? Почему видит небо, пекло слишком жаркого дня, в пыльном мареве которого неподалеку от того места, где она стоит, по дороге упорно продвигаются, судя по солнцу, на восток колонны солдат и обозы. А по обочинам вместе с ними течет людской поток. Беженцы? Похоже на то! Их многие тысячи. Откуда?

Судя по всему, покинув родной кров, бросив все имущество, люди готовы на любые муки, лишь бы спастись от чего-то

очень страшного. В какой-то момент будто кто звук в динамике включил. Услышала шарканье ног, скрипы колесных пар на телегах, голоса, стоны людей, жужжание двигателей машин, даже матюги. Пестрый людской поток двигался в одном направлении, огибая ее, застывшую, обалдевшую от невероятной картины происходящего рядом.

Если бы не изможденные, запыленные, искаженные болью и безысходностью лица, можно было бы предположить, что перенеслась на съемочную площадку фильма о войне. Старики и молодые, мужчины и женщины, дети разного возраста шли попеременно с толпами красноармейцев, напоминавшими сейчас не воинские подразделения, а скорее всего бездумное стадо двуногих особей. Хотя нет. У многих в руках и за плечами оружие. Раненых на носилках несут. А уж если своих не бросили, значит, не опустились до состояния животных. Просто, судя по всему, ситуация для них так сложилась.

— Чего столбом встала, девка?

Пожилой солдат с треугольниками в петлицах вылинявшей гимнастерки, исходившей застарелым потом, наверное, с недельной щетиной на простом морщинистом лице, тронул ее за плечо, тем самым приводя в «рабочее» состояние. Спросила, толком не сразу поняв, что от нее хотят:

— Что?

— Очнись, говорю! Своих потеряла, высматриваешь теперь? Так это гиблое дело в такой-то неразберихе. Пошли. Того и гляди, немец догонит.

Кивнула. Пошла вместе со всеми, будто пыльным мешком прибитая. Сначала брела бездумно, потом в голову наконец-то пришла мысль о том, что с казнью изгоя не все так просто, как она ожидала. Оказывается, все это вокруг нее и есть произошедшее наказание для человека иной эпохи. Ну, а она теперь тоже получила толику того, за что можно было наказать строптивую, пошедшую поперек законов своего народа, глупую девушку.

Бабка рассказывала Данке еще в малолетстве, что Всевышний Бог богов — Род, проявившись в своем женском воплощении — Матери миров Ладе, наделил ее сокровенной силой, искусством творить гармонию — Родоладом. Он отдал ей часть своей силы и знаний, чтобы она могла насытить весь мир своею любовью и сотворить всеобщее счастье. Вторую часть — Родосвет — он отдал своему мужскому проявлению, Отцу миров —

Сварогу, чтобы он своим Огнем и Свечением сварганил Вселенную в телесном виде. С того времени Отец творит, а Мать ладует все бытие. Только ведь невозможно прочувствовать все то хорошее, что есть в этом мире, когда вокруг тебя царит спокойная размеренная жизнь. Когда ты знаешь, что утро начнется с улыбки и новый день подарит тебе только добрые встречи. Ты здорова и юна. Ты счастлива. А вечером большая семья соберется в огнище, станет за широким, богато накрытым столом рассуждать о жизни, делиться впечатлениями и новыми познаниями. И только близкий приход Сречи заставит семейство разойтись по своим «углам». Ведь это лад, это счастье... Только раньше все воспринималось как должное, другого просто не могло быть. Оказывается, могло.

В уже более-менее привычных ей звуках жаркого, солнечного дня в воздухе вдруг возник гул, неизвестно откуда исходящий. Он все нарастал и нарастал, и показалось, что все кругом, даже земля под ногами, стало вибрировать. Вдали, в ясном небе, появилась армада самолетов. Они летели строем, на разной высоте, медленно, уверенно. Им явно не было кого бояться. Они даже не маневрировали, не меняли строй, словно не замечая того, что там творится внизу. Самолеты летели к цели. Четко видны желтые концы крыльев и черные кресты на фюзеляжах.

Усталый люд, как по команде, застопорил продвижение, задрал голову, замороженно наблюдал неприглядную картину немощи родного государства в своем же небе. Тишину среди людей нарушал лишь детский плач да стоны раненых. Прежний дядька в гимнастерке, стоявший рядом, со вздохом боли в голосе произнес:

— Киев полетели бомбить.

Кто-то из мужчин в толпе выкрикнул чуть ли не фальцетом:

— Где же наши хваленые соколы Сталина? Где?

Ответом ему было совсем не то, на что можно было рассчитывать. От армады больших черных «птиц» вдруг откололись мелкие «ястребы». Опустившись пониже, пронеслись над вставшим людским потоком, поливая его огнем и свинцом.

Ду-ду-ду! Ду-ду-ду-ду!

И видно было, как пули из пулеметов вдалбливали смерть в тела людей и живую плоть самой Земли, словно забивали гвозди в крышку гроба. Через крики и ор можно было разобрать чьи-то команды:

— С дороги! Ложи-ись!

— В лес давай!

И народ будто проснулся, порскнул кто куда смог, кто куда успел. И она, Дана, бежала вместе со всеми. Кричала, падала, поднималась и снова бежала, а потом, упав, свернулась калачиком, стараясь всем телом стать меньше в размерах, стараясь вжаться в землю, слиться с ней. Губы беспрестанно шептали одно и то же:

— Перуне, Отче наш!..

Словно услышав ее молитву, в небе появились самолеты со звездами на крыльях. Их было так мало, что сравнивать с машиной противной стороны даже не стоило. Пять ястребков ринулись атаковать строй бомбардировщиков, выпуская по нему струи пулеметного огня, и лишь один, вертясь и маневрируя, в смертельной карусели сцепился с истребителями, до этого момента дербанившими колонну беженцев... Сама эта атака очень походила на обиженный лепет получившего по шее домашнего мальчика-подростка, но не сломавшегося под гнетом обстоятельств и продолжавшего отмахиваться от привычных к драке дворовых хулиганов. Что могли сделать шесть маленьких, тупоносых самолетиков строю сотен ошетилившихся огнем пушек и пулеметов профессионалов войны?.. Ничего. Разве что умереть с честью...

С тем, что сейчас произошло у нее перед глазами, Дана столкнулась первый раз в жизни. Лицо войны мало того, что было отвратительным, оно было ужасным. Полотно самой дороги, в колдобинах и ямах, усеяно трупами простых, гражданских людей. По обочинам валялись десятки растерзанных тел...

Дальше была переправа. Перед ней огромные массы людей, машин, повозок скопились в узком лабиринте. Каждая фашистская бомба находит цель. Но и здесь нет паники, люди, кажется, свыклись с неизбежным. Пусть будет как будет. После бомбежки бойцы и командиры убирают тела погибших, разбитые машины и повозки, снова наводят мост, пускают паром. Беженцы, и она вместе со всеми, терпеливо ждут своей очереди...

Часть 1

ПРИ ПИКОВОМ ИНТЕРЕСЕ¹

...Может, прямо лучше не идти,
Отсидеться где-то в стороне,
Но другого нет у нас пути,
Без защитников не жить стране!

Наши предки долгие века
Лили кровь за эти рубежи,
Не иссякнет Родина, пока
Будут в бой мужчины уходить.

*Олег Газманов. Два орла
(из к/ф «Офицеры»)*

«Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление.

В 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на Советский Союз, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за всё время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить

¹ *Пики* — одна из четырех карточных мастей, благодаря черному цвету своих значков являющаяся у гадателей предзнаменованием всех бед и несчастий. Тот, кому при гадании «выпадают» пики, остается «при пиковом интересе», то есть ни с чем, в печальном положении. Пиковый — неприятный, затруднительный, являющийся следствием неудачи, поражения. В пиковом положении очутиться, в пиковое положение попасть — значит испытывать серьезные затруднения, неприятности.

ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что Германское правительство решило выступить с войной против Советского Союза в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы...»

Так впервые по радио прозвучало выступление Вячеслава Молотова о войне.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Начался новый этап Второй мировой войны. Сразу и весьма существенно изменилось соотношение сил на политической карте мира, но именно с этого времени все силы вермахта были брошены на советскую державу.

Лидер консервативной партии Уинстон Черчилль знал, что Советская страна летом 1941 года не только сняла бремя немецкого давления на Англию, не только спасала жизнь сотням англичан, но и вообще меняла ход войны. Уже вечером 22 июня Великобритания, а за ней и США заявили о полной поддержке борьбы советских народов с фашизмом.

Забегая немного вперед, можно сообщить, что в июле в Москве будет подписано англо-советское соглашение, оформившее союз двух держав в войне против фашистской Германии и положившее начало формированию антигитлеровской коалиции.

С самого первого дня войны реакционные круги Англии смотрели на сотрудничество с СССР как на вынужденное и временное. «...перспектива стать союзниками большевиков — нелепость... существуют большие сомнения и относительно их военной ценности» — так по этому поводу высказался лорд Исмей, начальник штаба при премьер-министре Англии.

В своем скупом замечании относительно союза, Черчилль не верит в то, что Советское государство сможет выстоять перед натиском бронетанковых армий Гитлера, только простому солдату РККА на веру английского политика было сугубо облокачиться. Шли первые часы войны, начинались ее первые дни...

Все у него как не у людей. Все через пень-колоду! Это же надо случиться такому: выпустившись из пехотного училища, попасть в конвойный полк. Почти год прошел, а все привыкнуть не может. Вот и сегодня именно его с самого утра отловил ротный командир...

— Придется тебе, Василий, съездить на границу. Возьми двух бойцов. Оружие. Заберешь у пограничников пойманного шпиона, доставишь во Львов.

— Олег Федорович, мы-то тут при чем? Есть же соответствующие...

— Отставить! Приказ на усиление застав поступил, а личного состава кот наплакал... Короче, действуй.

Считай, пропал выходной день, единственный в череде служебного времени. В закрытую зону добрались под вечер, а на заставу так и вообще затемно. Начальник заставы, приняв приезжих, не на шутку обрадовался, по лицу отчетливо видно было.

— Пойми, лейтенант! Ночью этого субчика взяли, можно сказать, на участке КСП. Если б наряд не задержался на том отрезке дистанции, так, может, пришлось утром по следу с собакой бежать. Чисто сработали, видно с той стороны давно за графиком прохода наблюдали.

— А чего ж тогда сорвалось у них?

— Малгобеков, боец молодой, да шустрый. По своей торопливости в темноте оступился, ну и сверзся с тропы. Склон покатый, но пока катился, своей бестолковой стриженной головой о ствол дерева навернулся. Пока спускались, пока в чувство привели, политику партии объяснили, от графика малость отстали. Начальник наряда из старослужащих заметил непорядок со стороны... Ну, это не важно. Нарушитель сам прямо в руки угодил. Скрутили. Обыскали. О задержании в отряд доложили. Оказывается, уже несколько дней по всей границе такое творится... У меня приказ: никого с границы не снимать, а за нарушителем, мол, прибудет соответствующая команда.

— Вот я и прибыл.

— Сейчас вас покормят, обустроят, а утром забирай задержанного и увози...

Наступавший рассвет нового дня и волнение дня предыдущего заставили Апраксина проснуться ни свет ни заря. Одевшись, вышел из помещения на воздух. Предчувствие беды